

В отечественной науке все большее внимание начинает уделяться забытой в предшествующие десятилетия проблеме православия как в широком охвате, так и в разных ее аспектах. Работа Н. Д. Зольниковой стоит в ряду таких исследований и посвящена совершенно не изученному вопросу — сущности приходской общины на материалах разнохарактерных религиозных объединений Сибири XVIII в.

Удачен выбор хронологических рамок исследования, ибо XVIII в. был периодом, когда происходило интенсивное освоение сибирских пространств русским земледельческим населением и становление в Сибири системы государственного феодализма. Кроме того, это было переломное время в историческом развитии всего Русского государства, когда совершался переход к абсолютной монархии. С этим процессом в Сибири совпало оформление государственного феодализма во всех сферах общественной и социально-экономической жизни. Такие глобальные изменения привели к переменам в религиозной жизни, в церковной организации, а следовательно и в приходских общинах, так как происходило ограничение прав самоуправления и сужение ряда функций всех общественных и социальных институтов. Исходя из этого, вполне оправдана та задача, которую поставила перед собой исследовательница — проследить изменение принципа формирования приходской общины в России XVIII в. по сравнению с предшествующим временем.

Путь, по которому пошла Н. Д. Зольникова в решении этой задачи — сопоставление развития сибирского прихода и прихода на другой территории государства — на Европейском (Русском) Севере в XVII—XVIII вв. Такой путь правомерен, так как население обоих регионов было генетически связано, и развитие Русского Севера и Сибири шло в единой системе государственного феодализма. Многими исследователями уже доказана преемственность в историческом развитии этих регионов, взаимосвязь общественной и социально-экономической жизни их населения¹. В настоящей работе еще раз подтверждено это положение, но уже на основе типологического сходства севернорусской и сибирской приходских общин.

Внимание автора было сконцентрировано в первую очередь на определении величины сибирского прихода, его территориального и количественного соответствия со светскими общинами, обусловленности количественных характеристик демографическими и колонизационными факторами, наблюдаемыми в Сибири в XVIII в. Не меньшее место в исследовании отведено и сословному составу прихода, его изменению, начиная со второй половины XVIII в., взаимопроникновению структур светских и конфессиональных, т. е. вопросам, которые, наряду с вышеуказанными, также помогают выявить территориальное соответствие этих объединений и их функции. И, наконец, задача рассмотрения взаимоотношений церковной иерархии и прихода позволила автору судить о характере сибирской приходской общины в XVIII в.

Территориальный охват рассматриваемых в рецензируемой работе приходов довольно обширен — Зауралье, вся Западная Сибирь и часть Восточной Сибири. Внутри этой территории выделены разные природногеографические и хозяйственные зоны: северные промысловые районы, таежные, урманные и степные земледельческие районы, а также горные — с их специфической производственной направленностью. Автор не ограничивается одним типом прихода, здесь представлены приходы городские и сельские, военных поселений (крепостей, форпостов), рудников и заводов, приходы с разнотипным населением (русскими и другими народами Сибири). Автор сосредоточился на разработке общей структуры и функций этих разнотипных религиозных объединений с указанием, где это позволили привлечь материалы, их местной специфики.

В своем исследовании Н. Д. Зольникова исходит из следующего. Переход государства к абсолютизму привел ко всеобщей бюрократизации, в религиозной жизни в том числе, а последнее рассматривается автором по изменению принципа формирования прихода в XVIII в. (числу людей на один приход в Сибири и созданию искусственных границ религиозной общины), сужению функции самоуправления, подчинению в зависимости от церковных и светских властей всей приходской жизни.

Все эти вопросы вместе с многоплановой проблемой русского православия и историей церкви выпали из поля зрения исследователей в XX в. Но достаточно хорошо изученная в XIX в. и в настоящее время русская сельская община и возникшее в последние годы стремление к познанию церковной жизни вызвали интерес и к православной религиозной общине.

Несомненной заслугой Н. Д. Зольниковой является использование огромного круга источников из фондов центральных и местных архивов. Поскольку эти документы представляют массовый источник, появилась возможность обозреть приходы на огромных сибирских территориях и проследить их развитие на протяжении целого века. Анализ показаний источников был совмещен с обработкой документов математическим методом, что помогло с предельной точностью характеризовать явления, и, кроме того, составить ценные и интересные приложения, занимающие в работе особое место. В последних приводится динамика количественных размеров приходов в различных типах приходских общин в хронологическом и географическом отношениях. В них обобщен систематизированный материал, статистически обработанный, что позволяет использовать результаты их обработки при решении других проблем исторической науки.

Рассмотрение сибирских приходов начато в книге Н. Д. Зольниковой с их количественных характеристик: размеров территорий, сословного состава, соотношения со светскими общинами; автор сочетал пространственный и хронологический аспекты вопросов. В работе показан процесс образования новых приходов по мере хозяйственного освоения сибирских пространств, и даны количественные характеристики новых приходских объединений. Подчеркнуты общее, различия и специфика в развитии приходской системы; изучаемый процесс сравнивается с аналогичным процессом, про-

ходившем в Европейской России, особенно на Русском Севере в период, предшествующий изучаемому. Количественные характеристики, по мнению автора, связаны с демографическими и колонизационными процессами на каждом временном этапе. В результате определены специфические черты сибирских приходов: их крупные размеры, меньшая компактность, нежели в Европейской России, большие расстояния между отдельными приходскими, многосословный состав, мало менявшийся в XVIII в.

Эти выводы выходят за рамки рассмотрения собственно размеров приходов, так как позволяют сделать заключения по очень важным моментам историко-географического и демографического развития сибирских районов и особенно — характеру расселения в них. По приведенным данным можно судить о центрах приходов как типах поселений городских, сельских, промысловых, земледельческих, заводских и военных и их некоторых функциях в XVIII в., а также об общей картине расселения, например сельского, в таежных и степных местах земледельческой зоны, в промысловых районах Севера, в горнозаводских районах, в местах с различным населением — однородным и смешанным в этническом отношении.

Специфику отдельных приходских общин, в частности приходов с аборигенным или смешанным русским и аборигенным населением, Н. Д. Зольниковой удалось показать в связи с освещением вопроса о соотношении светских и духовных властей в жизни приходов. С процессом массовой христианизации коренных сибирских народов совпало, как показано в исследовании, вытеснение местных приходских старост мирскими должностными лицами из русских и аборигенов. Автор показывает и различия в этом процессе между приходскими города и села, заводских и военных поселков, отмечая все более активное участие светских чиновников в выборах городских священников, наиболее значительное падение роли заводских церковных старост, а также старост в крепостях и форпостах.

Приведенные данные и выводы автора важны для решения проблемы, поднятой в исторической науке в настоящее время — о структуре, роли и соотношении властей, центральных и местных, в общей системе управления государством². До сих пор исследователи больше обращали внимание на гражданские функции приходских старост (особенно в Поморье в XVII в., в Сибири еще и в начале XVIII в.). Н. Д. Зольниковой удалось показать на материалах по Сибири обратное явление — участие светских должностных лиц в приходской жизни, уменьшение в XVIII в. значения глав приходов и соответственно возрастание роли светских властей. И это соотносится с ее главным выводом о бюрократизации всех сфер жизни, религиозной в том числе, в период становления абсолютизма в Российском государстве.

Очень важные наблюдения содержатся в главе, где сельский приход сопоставляется с сельской крестьянской общиной. Сравнивая два этих типа в Сибири и в Европейской России, автор показывает, что в последнем регионе приход и волость-община (реже одно селение-община) тождественны (Русский Север в XVII в., Северное Приуралье — и в XIX в.). В книге выбран также пространственный аспект, позволяющий проследить порегиональные различия, степень вариативности в соотношении двух типов общин — приходских и мирских. Н. Д. Зольникова делает основной вывод: их совпадения в Сибири в XVIII в. не наблюдалось, чему препятствовала и искусственность границ прихода и его многосословный состав даже и во второй половине XVIII в. Совпадение же приходов и сельских общин здесь было редким и в некоторых случаях связано с преобладанием того или иного типа землевладения (государственного, частновладельческого, монастырского). Волостная община проявляла себя в деятельности тех приходов, центры которых совпадали с волостными центрами.

Сопоставление прихода с крестьянской общиной продолжено в главе о приходском сходе. Для этого автору понадобилось изучение состава сходов в разных типах обеих общин. Главное внимание обращалось на совпадение или несовпадение схода приходского и сельского, обосновывалась обусловленность этого феномена сословным составом прихода и типом сельской общины (однодеревенской, многодеревенской) и выявлялась большая вариативность сходов по их составу. Н. Д. Зольникова разобрала и вопрос о компетенции тех и других сходов и совмещении их функций по ряду решаемых дел (раскладка податей, освобождение от тягла и др.), которые были общими в практике приходских и крестьянских сходов.

В этой главе автор снова обращается к проблеме соотношения властей центральных и местных, рассматривая материал о функциях должностных лиц в приходе (старост, поверенных). Сопоставляя этот и аналогичный ему институт на Русском Севере XVII в., она приходит к выводу, что должностные лица в сибирских приходах в XVIII в. не обладали большими полномочиями, и мало того, в течение века усиливалось наступление светской и высшей церковной власти на приходскую, что выразилось в отрицании принципа договора между приходской общиной и духовенством (найма священника в приход), утверждении церковных старост в их должности епархий, их ежегодной смены, в единоличном управлении администрации во всех церковных делах в горных приходах и отдельных приходах с частновладельческим землепользованием. Далее еще раз подтверждается главная мысль Н. Д. Зольниковой о бюрократизации церкви в общем процессе, наблюдаемом в государстве в данный период времени. Здесь же рассматривается бюджет приходов (церквей), который складывался в частности из результатов их хозяйственных занятий (торговых, арендных операций) и отправления бытовых и обрядовых функций (кануны, праздники, братчины и т. п.). Материал о роли церкви в разных сторонах жизнедеятельности прихожан и функциях церковных приходских центров как определенных типов поселений в этой главе интересен, но несколько выходит за рамки поставленных в книге задач. Только в этой главе говорится о значении прихода и храма в некоторых сторонах духовной жизни народа. Культ храма, традиционная приверженность приходу, заветам и могилам предков имели свои основания в трудовом начале (строительстве храма и его содержании), обусловившем все сферы деятельности населения.

В последней главе книги, содержащей материал о взаимоотношениях сибирских приходских общин и белого духовенства, продолжено исследование принципов формирования приходов и под-

черкнута особенность Сибири — постепенное ослабление выборного начала или наиниже как традиционных для отношений духовенства с приходом и преобладание назначения в приход. Причину этой специфики автор ищет в законодательных актах правительства, начиная с Петра I, направленных на регламентацию приходской жизни и контроль над нею со стороны церковной и гражданской администрации. Результатом такой политики явился отрыв приходского духовенства от пасты и его материальная независимость от общины, приобретение им некоторых полицейских функций. Роль общинного контроля над духовенством, в свою очередь, сводилась на нет усиленным бюрократическим контролем со стороны церковного управления.

Рассматриваемая книга содержит серьезный анализ проблем религиозной жизни. Однако некоторые явления, как представляется, характеризуются недостаточно глубоко. Говоря о роли и значении приходов в духовной жизни народа, Н. Д. Золыникова не рассматривает ни вопросов веры, ни сами религиозные верования и представления народа (это ее право). Но даже в означенных ею рамках можно было бы полнее обосновать связь верований и самой веры со всеми сторонами жизни, особенно сельской, которая ими пронизана, ими регламентируется, начиная с аграрного народного календаря (лежащего в значительной степени в основе церковного календаря), аграрной празднично-обрядовой культуры и кончая нравственной стороной жизни. Роль прихода в духовной жизни народа намечена в работе мимоходом.

Количественные характеристики величины приходов и их сословного состава (гл. I и II) могли быть дополнены за счет других видов источников, например, свидетельствующих о расселении, особенно при сравнении с Европейским Севером, где приходская система наложилась на сложившуюся ранее административно-территориальную систему (отчего и возникло тождество прихода и сельской общины)³. В Сибири обе системы складывались одновременно и параллельно, что вообще было характерно для мест более позднего русского расселения.

Ощущается и некоторая недостаточность материалов о землепользовании, хозяйственных занятиях населения в разных зонах Сибири. Их привлечение помогло бы обосновать количественные и структурные характеристики приходов. Автор связывает ту или иную их величину с влиянием демографических факторов. Но и сама демография зависела от факторов социально-экономических и природно-географических. Так же точно величину приходов можно было бы связать с размерами дворов-семей у населения разных географических зон и разной хозяйственной направленности. Норма дворов на сибирский приход еще не характеризует охват приходами населения, так как размеры дворов в разных сибирских зонах значительно различались; разной была численность семей-дворов у промыслового населения Севера и у земледельческого населения в тайге или в степи, у постоянного или временного контингента жителей, также, как и у городского, заводского и военного населения. Материалы о численном составе дворов в разных регионах дополнили бы демографические и миграционные характеристики, приведенные автором.

Методика анализа данных о структуре властей (гл. 3) немного отклонилась от метода, принятого автором в остальных главах — здесь несколько размыт географический аспект проблемы, а его важность вытекает из приведенного в главе материала. Порегionalное исследование, наряду с рассмотрением типов приходов (а в каждом регионе было несколько их типов), позволило бы дать характеристику структуры приходских властей более основательно.

Обоснование соответствия сельского прихода и крестьянской общины (гл. 4) можно было так же, как и в гл. 1 и 2, подкрепить привлечением другого типа источников, поскольку и сам автор замечает недостаточность своих документов. Таким подспорьем оказались бы дела хозяйственного, семейно-брачного и т. п. характера, по которым можно было бы определить компетенцию общины-волости или общины-деревни, а следовательно и характер приходской общины. Еще более это замечание можно отнести к гл. 5 о приходском сходе, где совершенно выпала деятельность сельского прихода и крестьянской общины в поземельных делах. Сельскому приходу, не совпадающему с общиной, вероятно, приходилось касаться дел о крестьянском землепользовании, как и о церковном землевладении (о последнем немного говорится в книге)⁴. Особенно важно это было в условиях сосуществования государственного землевладения и общинноправовых крестьянских норм, по которым совершались и отчуждения земли, и тягла из общины на сторону, а также жила полеводческая практика, в какой-то мере регулируемая как сибирской общиной, так и крестьянским правом, более свободными от верховной регламентации, чем в Европейской России. Кроме того, совершался земельный кортом и наем на работы в пределах тех или иных общин, а следовательно и приходов. Основой общей деятельности сельской общины и прихода было то трудовое начало, о котором автор говорит в гл. 7 применительно к традиционному отношению крестьян к своим приходским храмам. Трудовое право лежало в основе всей их жизнедеятельности. Таким образом, привлечение дополнительного вида источников помогло бы избежать некоторой односторонности в рассмотрении вопроса о приходах (в основном об их управлении) и помогло бы охарактеризовать многосторонность (многоплановость) приходской общины как определенного института.

Указанные замечания не снимают в целом большой значимости и добротности рецензируемого исследования. Вкладом автора в историческую науку, в том числе в сибиреведение, является осуществленное изучение одного из аспектов русского православия. Рассмотрение сибирской приходской общины как самостоятельного организма с традиционной структурой и функциями дает выход на решение ряда общих вопросов проблемы православия, таких, как религия и государственный феодализм, взаимосвязь приходской жизни Европейского Севера и Сибири (как и других ее сторон) — в регионах с населением общего происхождения. Кроме того, здесь можно найти выход на освещение проблемы историко-культурного развития народа, в частности культуры народа и его религии.

¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964. С. 296—297; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 229; Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984. С. 7—8 и др.

² Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь, XVII в. Новосибирск, 1991.
³ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. Гл. X, XII.

⁴ Там же. Гл. XIII.

© 1992 г., ЭО, № 2 А. Ш. Кадырбаев. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII—XIV вв. Алма-Ата, 1990. 160 с.

Одна из не теряющих свою актуальность научных проблем — взаимоотношения кочевников и оседлого населения. Книга А. Ш. Кадырбаева представляет собой очередную попытку подхода к этой проблеме.

Предпосланное основному содержанию книги «Введение» дает представление о степени изученности проблемы и характеристику источников. Но почему-то автор полностью обошел вниманием общетеоретические работы Э. Гиббона и А. Тойнби, посвященные кочевому укладу. Хотелось бы большей конкретики при оценке тех или иных работ, нежели общие посылки вроде: «интересными являются статьи И. де Рахевилья» (с. 14) или «Значительный интерес представляют статьи Г. Франке» (с. 15). Чем именно «интересны» статьи первого и почему «значительный интерес» представляют статьи второго — все это не раскрыто. Непонятно, каким критерием пользуется автор, определяя одни работы как интересные, другим отказывая в этом?

Опираясь на широкий круг разноязычных источников и литературы, автор рассматривает ряд проблемных аспектов, стремясь изложить свое видение сложных процессов социально-экономического, политического и этнокультурного порядка. По сути дела целые страницы исторического прошлого народа Китая и Центральной Азии на страницах книги воссоздаются заново.

Автор дал сводную социально-экономическую характеристику ряду этнических групп и этнополитических образований, благодаря чему их названия получили реальное содержание и стала наглядной их вероятная роль в процессе взаимодействия и взаимовлияния различных хозяйственных укладов. Однако идентификация применительно к определенному историческому периоду места расселения той или иной этнической группы и соответственно привязка именно к ней следов хозяйственной деятельности — дело весьма сложное и категоричность суждений не делает их более убедительными. В частности, не воспринимается безоговорочно следующее утверждение автора: «Данные археологии свидетельствуют о том, что посевы кипчаков в основном находились в бассейнах рек Сырдарья, Сарысу, Ишима, в предгорьях Каратау» (с. 27). Сами по себе данные только археологии без увязки их с письменными свидетельствами (если такие имелись у тех же кипчаков или у их соседей) не позволяют безусловно согласиться с этим суждением автора. Почему это были именно посевы кипчаков, а не их предшественников или соседей, учитывая, что насельники этого региона вели мобильный образ жизни?

Войны — феномен весьма сложный, где дают себя знать как факторы чисто эмоционального, так и социально-экономического порядка. «Источники, — постулирует автор, — полны сведений о войнах найманов и киритов между собой (с. 52)». Но дальше констатации он не идет. И остается открытым вопрос, что лежало в основе этих войн: личные амбиции вождей или глубинные социально-экономические предпосылки?

«У найманов и киритов существовали формы государственности, отличные от тех, что были у оседлых народов», — заключает автор (с. 53). Отсюда следует логический вывод, который отсутствует в книге, что именно сама специфика кочевых и оседлого хозяйства обуславливала различие в формах государственности. «Заземленность» оседлого населения не могла не способствовать и большей стабильности институтов власти, большей зависимости члена общины от них. Аморфность государственных институтов у кочевых народов — в известной степени порождение мобильности кочевой общины.

Сконцентрировав свое внимание на событиях XIII—XIV вв., автор невольно забывает сказать об исторической преемственности. То, что происходило в Китае в период правления дома Юань, уходит своими корнями во времена предшествующих династий. Автор называет свидетельством влияния мусульман, в частности, то, что некоторые члены правящей династии Чингизидов приняли ислам (с. 82). При этом о политике юаньских правителей в отношении ислама в Китае по существу ничего не говорится, тогда как они и императоры предшествующих династий придерживались в этом вопросе определенных установок.